

ТАМБОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ

ВЪДОМОСТИ.

1 ДЕКАБРЯ

№ 23.

1868 ГОДА.

Выходятъ два раза въ мѣсяць: 1 и 15 числа, съ Іюля 1861 года Цѣна за годовое изданіе 4 р. 25 к. сереб. съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Вѣдомостей при Тамбовской Духовной Семинаріи и у всѣхъ Благочинныхъ Тамбовской Епархіи.

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ.

УКАЗЪ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СУНОДА:

отъ 14 сентября 1868 года. *О порядкѣ производства слѣдствій по преступленіямъ и проступкамъ духовныхъ лицъ и о порядкѣ преданія людей духовнаго званія уголовному суду по Своду 1857 года, а также о порядкѣ производства слѣдствій на основаніи Судебныхъ Уставовъ 20 Ноября 1864 года.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: I) предложеніе Господина Исправляющаго должность Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 19 іюля сего года за № 93, въ коемъ объяснено: въ Святѣйшемъ Синодѣ 19 мая и 21 іюня 1867 года состоялось опредѣленіе по возникшему въ Правительствующемъ Сенатѣ вопросу о порядкѣ производства слѣдствій по преступленіямъ и проступкамъ духовныхъ лицъ и о порядкѣ преданія людей духовнаго званія уголовному суду по Своду 1857 года, а также о порядкѣ производства означенныхъ слѣдствій на основаніи Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года. Правительствующій

Сенать (по 1 Отдѣленію 5 Департамента), какъ видно изъ его указа на имя Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора отъ 27 мая сего года, за № 607, вполнѣ согласился съ мнѣніемъ Святѣйшаго Синода, изложеннымъ въ упомянутомъ опредѣленіи; и II) Справку, по коей оказалось: Святѣйшій Синодъ, разсмотрѣвъ дѣло по вышеозначенному вопросу, нашель: 1) по Своду 1857 года производсто слѣдствія, раздѣлявшагося на *предварительное и формальное*, относилось къ обязанностямъ полиціи (Том. XV кн. II Зак. Суд. Угол. ст. 2, 34—138 и 139—284). Предварительное слѣдствіе, которое въ Сводѣ именуется иногда *первоначальнымъ изслѣдованіемъ* (наприм. Зак. Суд. Угол. ст. 75), имѣло цѣлю изысканіе всѣхъ обстоятельствъ дѣла или происшествія, составляющаго преступленіе, а формальное слѣдствіе состояло въ собраніи доказательствъ къ открытію и обличенію виновнаго (Зак. Суд. Угол. ст. 1 п. 1). 2) Изъ общаго правила о производствѣ слѣдствія полиціею по Своду допускались нѣкоторыя изытїя, въ томъ числѣ и относительно лицъ духовнаго званія, о коихъ, согласно 160 ст. Высочайше утвержденнаго 27 марта 1841 г. Устава Духовныхъ Консисторій, въ 154 ст. Зак. Суд. Угол. постановлено, что „если духовное лицо оговаривается въ противозаконныхъ дѣйствїяхъ, подвергающихъ его уголовному суду, то первоначальное изслѣдованіе (т. е. предварительное слѣдствіе) производится въ духовномъ вѣдомствѣ, при чиновникѣ городской или земской полиціи“; если же „дѣло не терпитъ отлагательства и нужно произвести изслѣдованіе по горячимъ слѣдамъ, и тому подобное, то гражданское начальство пристуааетъ къ сему немедленно, пригласивъ депутата съ духовной стороны, а въ крайней необходимости и безъ депутата“. Но производство формальнаго слѣдствія по преступленіямъ и проступкамъ духовныхъ лицъ по Своду принадлежало исключительно полиціи, не иначе однако, какъ въ присутствіи духовнаго депутата (Зак. Су:

Угол. ст. 149). 3) Въ 1860 году 8-го іюня воспослѣдоваль законъ объ отдѣленіи отъ полиціи вообще производства слѣдствій по преступленіямъ и проступкамъ, подлежащимъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ. На основаніи В ы с о ч а й ш е утвержденныхъ 8 іюня 1860 года Учрежденія судебныхъ слѣдователей, Наказа симъ чиновникамъ и Наказа полиціи, производство слѣдствій по уголовнымъ дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ, возложено на судебныхъ слѣдователей, а полиціи предоставлено лишь производство *дознанія*, которое заключается въ собраніи свѣдѣній, необходимыхъ для удостовѣренія въ томъ, что происшествіе дѣйствительно было и что оно соединено съ преступленіемъ или проступкомъ (ст. 2 и 3 прил. къ ст. 2654 Общ. Учр. Губ. по прод. 1863 года). Въ 9 ст. Учрежденія судебныхъ слѣдователей (прилож. къ 4013 ст. Общ. Учр. Губ. по прод. 1863 г.) постановлено: „по преступленіямъ и проступкамъ, подлежащимъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ (ср. Зак. Суд. Угол. ст. 7 и 856) къ обязанности полицейскихъ и другихъ, не принадлежащихъ судебному вѣдомству должностныхъ лицъ, относится только первоначальное изысканіе и раскрытіе тѣхъ существенныхъ обстоятельствъ, которыя могутъ вести къ заключенію, что въ изслѣдуемомъ происшествіи заключается преступленіе или проступокъ. Къ обязанности судебныхъ слѣдователей относятся всѣ дальнѣйшія слѣдственные дѣйствія, необходимыя для того, чтобы изыскать, получить и сохранить всѣ тѣ свѣдѣнія и доказательства, которыя нужны суду для произнесенія правильнаго приговора о преступленіи или проступкѣ и о лицахъ, обвиняемыхъ въ совершеніи преступленія или проступка, подлежащаго вѣдѣнію судебныхъ мѣстъ“. 4) Ссоображая сіи узаконенія съ тѣми статьями Свода, кои и по изданіи означенныхъ законоположеній остались въ силѣ, оказывается, что ст. 154 Зак. Суд. Угол., по которой *первоначальное изслѣдованіе* о противозаконныхъ

дѣйствіяхъ духовныхъ лицъ производится въ духовномъ вѣдомствѣ при полицейскомъ чиновникѣ, остается и нынѣ неизмѣненною, а потому, и по введеніи въ дѣйствіе наказовъ полиціи и судебнымъ слѣдователямъ, если духовное лицо обвиняется въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, подвергающихъ его уголовному суду, то *первоначальное изслѣдованіе* или, какъ оно именуется въ наказѣ полиціи, *дознаніе*, по прежнему должно производиться въ духовномъ вѣдомствѣ, при чиновникѣ полиціи, исключая только тѣхъ случаевъ, когда дѣло не терпитъ отлагательства, и нужно произвести изслѣдованіе по горячимъ слѣдамъ, и тому подобное; въ сихъ случаяхъ полиція приступаетъ къ дознанію не медля, пригласивъ депутата съ духовной стороны, а въ крайней необходимости и безъ депутата. Что касается самаго *слѣдствія*, которое по Своду именовалось *формальнымъ слѣдствіемъ*, то въ 1 статьѣ Учрежденія судебныхъ слѣдователей положительно объяснено, что *слѣдствія по уголовнымъ дѣламъ*, подлежащимъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ, производятся судебными слѣдователями. Изъ этого общаго правила не сдѣлано никакого исключенія относительно духовныхъ лицъ, а потому очевидно, что слѣдствіе по такимъ дѣламъ духовныхъ лицъ, по коимъ лица сіи подлежатъ суду уголовныхъ мѣстъ, должно производиться судебными слѣдователями, но съ соблюденіемъ лишь изъясненнаго въ 149 ст. Зак. Суд. Угол. (остающейся и нынѣ въ силѣ) правила, по которому если обвиняемые суть лица духовнаго званія, то допросъ и все слѣдствіе производится при депутатѣ со стороны духовнаго вѣдомства. 5) На основаніи 109 ст. Наказа судебнымъ слѣдователямъ (прил. къ ст. 2 Зак. Суд. Угол. по продолж. 1863 г.), каждое слѣдствіе, по окончаніи онаго, должно быть представлено въ подлежащее судебное мѣсто. Относительно слѣдствій о преступленіяхъ и проступкахъ духовныхъ лицъ въ законахъ не указано никакого другаго порядка. Посему и слѣдствія

о духовныхъ лицахъ должны быть представляемы въ подлежащія судебныя мѣста. Но такъ какъ, по силѣ 154 ст. Зак. Суд. Угол., духовныя лица предаются уголовному суду не иначе, какъ по опредѣленію Духовной Консistorіи, то судебное мѣсто, получивъ слѣдствіе о духовномъ лицѣ, обвиняемомъ въ преступленіи или проступкѣ, обязано, не приступая къ сужденію по такому слѣдствію, передать оное въ подлежащую Духовную Консistorію, для зависящаго съ ея стороны распоряженія, какъ о преданіи обвиняемаго суду, такъ и относительно воспрещенія обвиняемому священнослуженію на точномъ основаніи 169 ст. Устава Духовныхъ Консistorій, въ которой постановлено: „Духовному лицу, оговоренному въ преступленіи, запрещается священнослуженіе, смотря по обстоятельствамъ, какія помѣщены въ самомъ оговорѣ, и какія открываются при слѣдствіи, и смотря по прежнему поведенію подсудимаго. Распоряженіе о семъ ввѣряется собственному усмотрѣнію мѣстнаго Архіерея, обязаннаго пещись, чтобы обвиняемые въ важныхъ преступленіяхъ противъ благоповеденія по заповѣдямъ Божиимъ не приступали къ служенію Олтарю Господню, коль скоро есть уже достаточныя причины предусматривать, что они обвиняются справедливо“.

6) Такимъ образомъ, по мнѣнію Святѣйшаго Синода, на основаніи Свода 1857 года и приложеній къ оному, *дознаніе*, или первоначальное изслѣдованіе о преступленіяхъ и проступкахъ духовныхъ лицъ должно производиться въ духовномъ вѣдомствѣ, при полицейскомъ чиновникѣ, а когда дѣло не терпитъ отлагательства, и нужно произвести дознаніе по горячимъ слѣдамъ, то въ такихъ случаяхъ полиція можетъ приступить къ дознанію и сама, пригласивъ депутата съ духовной стороны, въ крайней же необходимости и безъ депутата; но самое *слѣдствіе* (которое въ Сводѣ именовалось формальнымъ слѣдствіемъ) должно производиться судебными слѣдователями не иначе однако, какъ

при духовномъ депутатѣ, а по окончаніи слѣдствія то судебное мѣсто, въ которое будетъ представлено слѣдствіе, обязано передать оное въ подлежащую Духовную Консисторію, для постановленія о преданіи обвиняемаго суду, безъ каковаго опредѣленія Консисторіи никакое судебное мѣсто не въ правѣ приступать къ рѣшенію дѣла. Въ такомъ смыслѣ неоднократно уже были разрѣшаемы вопросы о порядкѣ производства слѣдствій относительно духовныхъ лицъ и о преданіи ихъ суду. 7) Обращаясь за симъ къ вопросу о порядкѣ производства слѣдствій по преступленіямъ духовныхъ лицъ на основаніи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года, Святѣйшій Синодъ нашель, что, по точному смыслу 1019 и 1020 ст. Уст. Угол. Судопр., слѣдствія по дѣламъ о духовныхъ лицахъ, подлежащихъ суду уголовному, производятся общимъ порядкомъ мировыми судьями или судебными слѣдователями, съ соблюденіемъ лишь нѣкоторыхъ особенныхъ правилъ, изложенныхъ въ 1020—1024 ст. Уст. Угол. Судопр. О такомъ мнѣніи своемъ Святѣйшій Синодъ, согласно опредѣленію своему 19 мая и 21 іюня 1867 года, представилъ Господину Синодальному Оберъ-Прокурору довести до свѣдѣнія Правительствующаго Сената. Приказали: Въ предупрежденіе могущихъ возникать въ практикѣ духовныхъ установленій недоразумѣній по вопросу о порядкѣ производства слѣдствій по преступленіямъ и проступкамъ духовныхъ лицъ и о порядкѣ преданія людей духовнаго званія уголовному суду по Сволу 1857 года, а также о порядкѣ производства означенныхъ слѣдствій на основаніи Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года, о содержаніи вышеизясненнаго опредѣленія Святѣйшаго Синода, съ коимъ вполнѣ согласился и Правительствующій Сенатъ, дать знать, для свѣдѣнія и надлежащаго въ потребныхъ случаяхъ руководства, по Духовному вѣдомству печатными циркулярными указами.

II.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

1) *Объ опредѣленіи и перемѣщеніи на священнослужительскія мѣста.*

1) Священникъ села Савинова Поселка Феодоръ Ястребовъ, согласно прошенію, уволенъ, для поступленія въ монастырь; а на его мѣсто во священника опредѣленъ студентъ Антонъ *Матвѣевъ*.

2) Окончившій курсъ семинаріи Алексѣй *Талинскій* опредѣленъ въ с. Никольское Борисоглѣбскаго уѣзда.

3) Священникъ с. Нижней Отормы Моршанскаго уѣзда Павелъ *Никольскій* перемѣщенъ въ с. Липовицу Тамбовскаго уѣзда на мѣсто уволившагося за штатъ свящ. Потапія Кирсановскаго, а въ Оторму на священническое мѣсто опредѣленъ окончившій курсъ семинаріи Петръ *Воздвиженскій*.

4) Священникъ с. Тимашева Спаскаго уѣзда Николай *Розовъ* перемѣщенъ въ с. Саблино Шацкаго уѣзда, а изъ этого села священникъ Николай *Громовъ* перемѣщенъ въ означенное село Тимашево.

2) *Объ изъявленіи признательности Епархіальнаго Начальства.*

Рязанской купчихъ Акилинѣ Осминой изъявляется признательность, — за пожертвованныя ею 450 р. въ пользу Лебедянскаго женскаго Сезеновскаго монастыря.

Попечителю Вознесенской церкви г. Елатымы г. Веденяпину и бывшему старостѣ той-же церкви купцу Попову объявляется признательность Епархіальнаго Начальства, за сдѣланныя ими пожертвованія въ пользу помянутой церкви и вообще за ревностную заботливость о благолѣпій оной.

III.

ИЗВѢСТІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О приглашеніи къ приобрѣтенію отъ Общины сестеръ милосердія книгъ и учебныхъ пособій (Въ С. Петербургъ):

Вслѣдствіе отношенія Общины сестеръ милосердія, состоящей подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, Консисторія, съ утвержденія Его Преосвященства, предлагаетъ Епархіальному духовенству и другимъ подвѣдомственнымъ ей лицамъ выписать слѣдующія книги:

1) Мессіада. Божественная поэма Клопштока. Переводъ Сергѣя Н. Писарева. Цѣна 5 р. съ пересылкою.

2) Объясненіе Богослуженія Православной церкви. Протоіерея В. Владиславлева. Цѣна 1 р. с.

3) Новыя краткія поученія. Протоіерея Романова. Цѣна 1 р.

4) Записки, по предмету Закона Божія, І. Заркевича. Цѣна 25 к. с.

5) Законъ Божій для русскихъ народныхъ школъ. Протоіерея Романова. Цѣна 25 к.

6) Лѣтопись церковныхъ событій и гражданскихъ, поясняющихъ событія церковныя. Цѣна 1 р.

7) Вѣра и наука. Цѣна 1 р.

8) Отвѣты на главнѣйшія возраженія противъ вѣры истинной. Цѣна 50 к.

9) Нравственная философія. Сальфа Уальда Эмерсона. Переводъ съ англійскаго Елизаветы Ладыженской. Цѣна 2 р.



Редакторъ: Протоіерей Іоаннъ Москвинъ.

Съ дозволенія цензуры. 18 Декабря 1868 года.

Тамбовъ. Въ Губернской Земской Типографіи.

П Р И Б А В Л Е Н І Е

К Ъ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВЪ ДОМОСТЯМЪ.

1 ДЕКАБРЯ

№ 23.

1868 ГОДА.

Въ день Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы.

Празднуемъ мы нынѣ введеніе въ храмъ Пресв. Богородицы, которое церковь имѣетъ *блговоленія Божія предъобразженіемъ и челоувческаго спасенія проповданіемъ*. Какъ зарница, предшествующая солнцу, явленіемъ своимъ указываетъ на скорое явленіе солнца, такъ Пресвятая дѣва—Богоизбранная Отроковица, вхожденіемъ своимъ въ храмъ, Христа всѣмъ предвозвѣщала... сими дѣйствіями всѣмъ велегласно вопія: се грядеть... се грядеть, обѣтованный и чаемый Избавитель всѣхъ, Солнце правды Христосъ Богъ нашъ.

Предшествовала сему благоволителному Божію устроенію ночь, и люди сидѣли во тьмѣ и сѣни... Только въ одномъ народѣ Израильскомъ мало-мало разсѣвали сію тьму пророческія обѣтованія, являясь по временамъ на ихъ духовномъ горизонтѣ, подобно звѣздамъ, просвѣщающимъ ночную тишину... Еще въ раю, тотчасъ по паденіи начались сіи обѣтованія... И съ того времени все чаще и чаще повторялись, болѣе и болѣе опредѣляя силу чаемаго избавленія Божія, и яснѣе обозначали имѣющаго прійти Царя, Пророка, Священника по чину Мельхиседекову,

со всѣми обстоятельствами Его явленія, чудотвореній, ученія, смерти, воскресенія, вознесенія на небо и одесную Бога Отца сѣдѣнія.

Это былъ точно млечный путь въ ночи ветхозавѣтныхъ сѣней. Предъ самымъ явленіемъ Господа, пророчества прекратились, какъ предъ разсвѣтомъ скрываются звѣзды; и какъ здѣсь только зарница свѣтитъ—предвѣстница солнца, такъ и тамъ свѣтлою родившаяся и введенная во храмъ Пречистая Отроковица, Христа предвозвѣстившая.

Потомъ и само Солнце правды явилось и тьму разогнало и всѣхъ просвѣтило. Нынѣ самъ Христосъ Господь полнымъ свѣтомъ осіяваетъ міръ Христіанскій и просвѣтитъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ... Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ! Провидѣлъ сіе блаженство наше св. пророкъ Исаія и, утѣшая Израиля, прорекъ: *яко будетъ въ послѣдніи дни явлена гора Господня и домъ Божій на версѣ горъ, и возвысится превыше холмовъ, и придутъ къ ней вси языцы. И пойдутъ языцы мнози и рекутъ: придите и възведемъ на гору Господню, и въ домъ Бога Иаковля и возвеститъ намъ путь свой, и поидемъ по нему. Отъ Сіона бо изыдетъ законъ и слово Господне изъ Іерусалима...* Гора сія есть церковь Христова. Всѣ языки собрались въ нее и еще собираются. Ихъ влекла и влечетъ жажда свѣта духовнаго.

Входя въ церковь, она удовлетворяюгъ сей жадѣ, находя въ христіанскомъ законѣ все, чего можетъ искать и желать душа... Въ числѣ другихъ и мы, русскіе, пришли, приняли законъ Христовъ и пошли по нему.. Нынѣ и мы во свѣтъ лица Божія ходимъ и о имени Его радуемся! Слава Тебѣ, Господи! Какъ въдаете, вѣра Христова, которая и есть свѣтъ Христовъ, господствуетъ у насъ. Всюду храмы Божіи, всюду святое богослуженіе идетъ свободно и проповѣдь слова Божія слышится; *свѣтъ свѣ*

тмь.. Но каждый ли изъ насъ въ частности воспринялъ сей свѣтъ и просвѣщенъ имъ?.. И среди дня иной ничего не видитъ, когда глаза закроетъ и испортитъ, или зайдетъ въ темное мѣсто; такъ и среди бѣлаго дня Христова, надъ нами сіяющаго, можетъ случиться, что тотъ или другой изъ насъ во тьмѣ пребываетъ и во тьмѣ ходитъ.—Остережемся, братіе; не попасть бы намъ въ число такихъ!

Св. Апостоль Петръ писалъ къ Іудеямъ: *имаы извѣстнѣйшее пророческое слово, ему же внимающе, яко свѣтлу сіяюще въ темнѣмъ мѣстѣ, добръ творите, дождеже день озаритъ и денница возсияетъ въ сердцахъ вашихъ* (2 Пет. 1, 19). Это говоритъ онъ о пророческомъ свѣтѣ и увѣряетъ, что онъ для Іудеевъ бывалъ въ его время то свѣтиломъ въ темнотѣ, то разсвѣтомъ или восходомъ солнца, то днемъ полнымъ.—Но что для Іудеевъ пророческій свѣтъ, то для насъ свѣтъ Христовъ, или ученіе Христово. Тоже и онъ для насъ есть свѣтильникъ въ темнотѣ, то восходъ солнца, то полный свѣтъ дневной... Это неминуемые знаки при вхожденіи во свѣтъ Христовъ. И кто не испыталъ ихъ въ пути своемъ, тотъ еще не видѣлъ свѣта Христова.

У Апостола Петра исходною точкою движенія ко свѣту поставляется узрѣніе свѣта, *ему же внимающе*, замѣтитъ кто изъ окруженныхъ мракомъ свѣтъ въ темнотѣ своей, пойдетъ по указанію его и придетъ сначала къ такому свѣту, который можно сравнить съ разсвѣтомъ предъ восходомъ солнца, а потомъ къ такому, который уподобляется полному дню.

Разъяснимъ это сравненіемъ. Во тьмѣ, въ темномъ мѣстѣ пребываетъ грѣшникъ, страстямъ работающій и нерадѣющій о спасеніи. Но слово услышитъ онъ, или прочтетъ что, или увидитъ что, или обстоятельства жизни его такъ устроятся, что онъ опомнивается, приходитъ въ себя, начинаетъ тревожиться заботою объ опасности своего поло-

женія и необходимости исправиться... Въ душѣ его тогда, какъ свѣтильникъ въ темномъ мѣстѣ, зажигается сіе помышленіе. Чѣмъ болѣе онъ ему внимаеть, тѣмъ сильнѣе возсіяваетъ свѣтъ его и тѣмъ понудительнѣе разгараеть въ немъ нужда, потребность и желаніе исправиться. Если не произойдетъ какое развлеченіе, сіе дѣло вниманія къ возсіявшему въ сердцѣ свѣту благодати, призывающему къ исправленію, оканчивается твердою рѣшимостію, оставить грѣхъ, страсти, нерадѣніе и всѣ дѣла худыя и начать жить исправно по закону Христову. Это время, отъ перваго помышленія объ исправленіи до окончательной рѣшимости исправиться, есть періодъ покаянія, первый шагъ въ область свѣта Христова, очень похожій на то, какъ кто идетъ на увидѣнный въ темнотѣ огонекъ. Потомъ покаившійся начинаетъ жить исправно, какъ захотѣлъ, рѣшился и далъ обѣтъ на духу. Но хочетъ онъ сдѣлать какое добро, а прежнія привычки, склонности и страсти возстаютъ и покушаются отвлечь его отъ добра. Не хотя имъ покориться, онъ борется съ ними и не иначе, какъ чрезъ борьбу сію успѣваетъ дѣлать добро. И это такъ неизбѣжно, что какое бы дѣло благе кто ни задумалъ, тотчасъ встрѣчаетъ сопротивленіе или въ себѣ, или во внѣ, и непременно долженъ бороться, чтобы устоять въ добрѣ. Тяжело, конечно.. Но то утѣшеніе, что чѣмъ болѣе—кто стоить въ борьбѣ и рѣшительнѣе борется, тѣмъ борьба сія становится легче. Страсти слабѣютъ и добрыя расположенія берутъ преобладаніе. Наконецъ послѣднія такъ усиливаются, что первыя почти незамѣтны становятся. Святѣе чувства и расположенія такъ глубоко виѣдряются въ сердцѣ, что составляютъ естественное какъ-бы его состояніе, и тогда человекъ добродѣтельствуетъ также свободно, какъ дышетъ. Этотъ періодъ отъ покаянія до очищенія сердца, періодъ борьбы со страстями и похотями есть то, что у Апостола названо разсвѣтомъ, или восходомъ солн.

ца,—день озарить до возсіянія денницы... Страсти подобны туману; какъ въ прир одѣ, чѣмъ болѣе солнца на горизонтѣ, тѣмъ рѣже станов ится туманъ, а наконецъ показывается и солнце во всей красотѣ; такъ и у насъ... чѣмъ больше чрезъ борьбу держимся мы предъ солнцемъ Христовымъ, тѣмъ туманъ страстей рѣдѣетъ болѣе, а наконецъ и совсѣмъ исчезаетъ... Возсіяваетъ въ душѣ Христосъ Господь, полное, чистое Солнце.. И съ сего времени начинается состояніе чистоты, блаженное, въ коемъ Бога созерцають, какъ говоритъ Господь: *блаженни чистіи сердцемъ, яко тѣи Бога узрятъ*. Богъ свѣтитъ въ чистомъ сердцѣ, какъ солнце въ чистой водѣ, или въ чистомъ зеркалѣ.. Какъ сердце сіе разумно, то оно созерцаетъ свѣтящагося въ немъ Бога и какъ Богъ есть блаженство, то оно блаженствуетъ въ Немъ. Блаженное безстрастіе отъ земли на небо возставляетъ ницій умъ, и отъ гноища страстей воздвигаетъ убогаго и посаждаетъ его съ князи, съ князи людей Господнихъ, со святыми Ангелами (Пс. 11. 2, 7. 8). Сподобившійся такого состоянія, говоритъ св. Іоаннъ Дѣствичникъ, находясь еще въ плоти, во всѣхъ словахъ, дѣлахъ и помышленіяхъ имѣетъ всегда правителемъ обитающаго въ Немъ Бога. Ибо *не ктому уже самъ онъ живетъ, но живетъ въ немъ Христосъ* (Галат. 2, 20). И такъ покаяніе, борьба съ страстями и стяжаніе чистоты сердечной, вотъ три поворота въ движеніи къ свѣту Христову. Посмотри теперь каждый на себя и опредѣли, гдѣ находишься.. Если кто на семъ пути находится—слава Богу; а если нѣтъ, пусть подумаетъ о себѣ и побойтса за себя, онъ еще не узрѣлъ свѣта Христова, еще во тьмѣ ходитъ, на путяхъ пагубы бродитъ и спѣшитъ во дно адово.... Избави васъ, Господи, всѣхъ отъ сего. А если кто въ самомъ дѣлѣ какъ нибудь запутанъ въ страсти и безпечностию одолаваемъ есть,—понудь себя возникнуть отъ дьявольскихъ сѣтей, въ кои живьемъ уловленъ ты отъ него,

и въ коихъ онъ успѣшно держитъ умъ твой и сердце, не допуская возсіять тамъ свѣту славы Христовой (2 Кор. 4, 4). *Богъ, рекій изъ тьмы свѣту возсіати*, всѣхъ насъ да извлечетъ изъ тьмы въ чудный свой свѣтъ (Петр 2, 9) и да дастъ возсіять въ сердцахъ нашихъ свѣту разумнія славы Божіей о лицѣ І. Христовѣ. И денница солнца, пречистая Дѣва, Христа предвозвѣстившая введеніемъ во храмъ свѣта своего зарями да просвѣтитъ насъ, благовѣрно Богородицу исповѣдующихъ Ее. Аминь.



ФИЛОСОФСІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

0

БОЖЕСТВЕННОСТИ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИИ,

Огюста Николя.

XVII.

⊙ ПРОТЕСТАНТСТВО.

(Окончаніе.)

6. Любопытно и поучительно будетъ обслѣдовать здѣсь причины протестантства. Фридригъ Великій въ своихъ *Бранденбургскихъ запискахъ* сказалъ: «кому угодно причины успѣха реформаціи возвести къ простымъ началамъ, тотъ можетъ увидѣть, что это было въ Германіи дѣломъ корыстолюбія, въ Англіи — дѣломъ любовной страсти, во Франціи дѣломъ жадности къ новостямъ». Это замѣчаніе Фридриха совершенно согласно съ исторіею. Въ самомъ дѣлѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что жадность князей, ихъ завистливое желаніе увеличить свои коронныя владѣнія наслѣдствомъ церкви; надежда высшаго клира освободиться отъ *аннаты* (*), столь обременительныхъ, и окладовъ, взыскиваемыхъ за *палліумъ* (**), и за нѣкоторые другіе предметы; пробудившіяся надежды въ низшемъ клирѣ достигнуть большей свободы; чаяніе имперскихъ городовъ увидѣть, наконецъ, прекращеніе этихъ продолжительныхъ споровъ съ епи-

(*) Дань, высылаемая въ папскую казну монастырями и церковными властями.

(**) Омофоръ, выдаваемый папою новопоставленному епископу, въ знакъ подчиненія сего послѣдняго власти перваго.

сконами за сохраненіе взаимныхъ правъ; потворство склонностямъ большей части приходскихъ пасторовъ и монаховъ, тяготившихся безбрачіемъ и испытаніями въ монастыряхъ,—все эти причины были не непосредственными поводами и какъ бы закваскою реформаціи. Какъ бы то ни было, а надобно сказать, что видимымъ предлогомъ къ тому выставлено *преобразованіе* нравовъ и дисциплины церковной; а непосредственнымъ слѣдствіемъ—*испроверженіе* того и другаго. «Такъ-то они жертвуютъ собою! восклицалъ съ язвительною колкостью Эразмъ. *Реформація*, кажется, не имѣла другой цѣли, кромѣ превращенія монаховъ и монахинь въ супруговъ и супругъ; и эта великая трагедія кончается подобно тѣмъ комедіямъ, въ которыхъ въ послѣднемъ дѣйствіи женятся все». (*)

Надобно, впрочемъ, сознаться, что дисциплина въ римской церкви въ это время была слишкомъ ослаблена. Настоятельная нужда въ преобразованіи и исправленіи чувствовалась вездѣ и всеми, и открыто высказываема была, гораздо прежде Лютера, толпою прелатовъ и докторовъ, которые за

(*) „Между сотнями этихъ проповѣдниковъ евангелія, писалъ Кальвинъ, едва ли найдешь и одного, который сдѣлался проповѣдникомъ по какимъ либо другимъ побужденіямъ, а не потому, что чрезъ это открывалась возможность съ большею свободою предаваться всякаго рода удовольствіямъ и невоздержанію“ (Comment. in II Epis. Petri; II. 2 p. 63). Чтобы не огорчить нѣкоторыхъ изъ нашихъ читателей и не соблазнить всѣхъ, мы пропускаемъ здѣсь изложеніе нравственныхъ поступковъ и привычекъ и особенныхъ личныхъ мнѣній Лютера, извлеченное изъ его собственныхъ сочиненій.

вѣмъ тѣмъ оставались неизмѣнными въ своей преданности римской церкви. Лютеръ отторгся отъ нея, и увлекъ за собою многихъ соучастниковъ, самыхъ искреннихъ, благодаря безцеремонному смѣшенію понятій о дисциплинѣ и ученіи, — смѣшенію, которое мы старались распутать, выставляя на видъ, что Божественное соприсутствіе было обѣщано Церкви только въ мѣру и по отношенію къ предмету ея посольства, состоящаго единственно въ наученіи истинамъ Религіи Христіанской и въ раздаваніи даровъ благодатныхъ чрезъ совершеніе таинствъ. Не сказано, чтобы Церковь пользовалась этимъ соприсутствіемъ и содѣйствіемъ относительно святости своихъ членовъ, такъ чтобы въ ней никогда не было соблазновъ, а только относительно чистоты своего ученія и въ охраненіи отъ заблужденій. Такимъ образомъ надобно согласиться, что въ Церкви одно ученіе охраняется сверхъестественно; но дисциплина, какъ сила временная, какъ проявленіе духа человѣческаго, можетъ быть ослабляема, потемняема, подвержена превратностямъ человѣческимъ; въ этомъ есть разность. Отсюда выходитъ, что учрежденіе Церкви, представляющей въ совокупности своихъ членовъ болѣе святости, чѣмъ всякое другое учрежденіе человѣческое, тѣмъ не менѣе подвергалось, къ прискорбію, по временамъ болѣе или менѣе значительнымъ соблазнамъ и злоупотребленіямъ относительно дисциплины и правовъ. Но какое отсюда должно быть выведено заключеніе? То ли, что Церковь перестала пользоваться Божественнымъ присутствіемъ и помощію? Что ея непогрѣшимость не открывалась въ ея судилицѣ? Нѣтъ; наоборотъ, къ открытому проявленію ея не-

погрѣшимости не было никогда болѣеишей нужды, какъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. По истинѣ, чрезвычайно великое чудо—видѣть общество людей, какъ бы они ни были чисты,—людей столь долгое время, при такомъ разсѣяніи ихъ по всемъ странамъ, видѣть соблюдающими неизмѣнную вѣрность ученію относительно предметовъ, столь глубокихъ, не допускающими вкрасться въ это ученіе никакому поврежденію, никакому нововведенію, и представляющими зрѣлице единомыслія и единопущія въ общности самаго неразрывнаго, ни временемъ, ни мѣстомъ, какъ бы они ни были неограниченны. Но полноту этого чуда, возведеніе его до высоты истиннаго чуда составляетъ то, что эта самая дѣвственная чистота ученія церковнаго сохраняется въ ея прикосновенности вполне нечистыми руками и устами людей грѣшныхъ, по собственному ихъ сознанию и самоосужденію, по которому они скорѣе согласились бы сами себя предать анафемѣ, чѣмъ допустить ввѣренный имъ залогъ истины подвергнуться хотя малѣйшей опасности и погаснуть ея карающему огню, и что нравственный характеръ отдѣльныхъ личностей, каково бы ни было ихъ положеніе, значеніе и даже развращеніе, не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на общую вѣру Церкви, не кладетъ никакого пятна на небесное ученіе Господа Спасителя. «Корабль, разсѣкающій волны морскія, говоритъ Боесюэтъ, не оставляетъ ни малѣйшаго слѣда на пути своего плаванія». Все это должно было привязать Лютера къ Церкви, а онъ вмѣсто того, это самое обратилъ для себя въ предлогъ къ возмущенію противъ Церкви, что и случилось съ нимъ, когда онъ, по выраженію Монтэня, «приходилъ

въ Римъ подивиться святости нравовъ нашихъ, и, при видѣ тамъ развращенія прелатовъ и народа тогдашняго времени, ему слѣдовало бы еще искрениѣе и сильнѣе утвердиться въ нашемъ : ѿроисповѣданіи, принявъ во вниманіе то, сколько должно быть въ немъ Божественной силы, когда оно способно поддерживать свое достоинство и славу среди такого развращенія и находясь въ столь порочныхъ рукахъ. (*)

Лютеръ поступилъ напротивъ. Сначала, выдавая себя одного преобразователемъ церковной дисциплины, онъ привлекъ на свою сторону нѣсколько личностей добросовѣстныхъ; потомъ отмѣненіемъ всякой дисциплины, громко провозглашеннымъ подъ видомъ этой мнимой реформы, онъ присоединилъ къ своему дѣлу слишкомъ огромное число людей развращенныхъ (**); а наконецъ, когда рушилась всякая дисциплина, реформа, т. е. всецѣлая *распущенность*, напала и на ученіе, которое тотчасъ было разрушено ея руками. Между тѣмъ въ церкви римской, не смотря на упадокъ дисциплины, ученіе продолжало сохраняться въ прежнемъ видѣ неизмѣнно, и своимъ вліяніемъ повело къ исправленію дисциплины, которая вско-

(*) Essais de Michel Montaigne, liv. II, chap. XXII.

(**) „По свидѣтельству историковъ, протестантовъ самыхъ ревностныхъ, говоритъ одинъ протестантъ, Стрипа, Комбдена, Дигдаля, самаго Лютера и другихъ, в по заявленію Генриха въ парламентъ, непосредственными слѣдствіями реформации было сначала общее развращеніе нравовъ и всецѣлое пренебреженіе къ правосудію“, и проч. (Fitz William, Lettres d' Atticus, p. 116).

рѣ приведена была въ порядокъ. (*)

7. Протестантство должно было подвергнуться веѣмъ послѣдствіямъ своего начала: отвергнувъ законный авторитетъ, оно, по необходимымъ требованіямъ неумолимой логики, бросилось къ безначалію, отъ безначалія перешло къ тиранніи, а тираннія приводитъ его къ смерти: вотъ разнообразныя видоизмѣненія, какимъ оно подвергалось. Дѣйствительно, скоро увидѣли, какъ протестантство, чтобы удержаться на скользкомъ пути къ разложенію, постановило у себя учителей самыхъ жестокосердыхъ и подчинилось игу самой безмысленной нетерпимости. Лютеръ не замедлилъ обязательнымъ для другихъ сдѣлать свой личный способъ разсмотрѣнія и рѣшенія религіозныхъ вопросовъ и изъ тѣхъ самыхъ устъ, которыми такъ громко высказывался призывъ къ *свободному изслѣдованію* и личному разуму каждаго противъ законнаго авторитета Церкви, услышали такія рѣчи, равныхъ которымъ не имѣется ни въ какихъ записяхъ деспотизма и гордости человѣческой. «Нѣтъ ни Ангела на небѣ, ни тѣмъ менѣе человѣка на землѣ, кто могъ бы и дерзнулъ бы осудить мое ученіе: кто его не усвоитъ себѣ, тотъ не можетъ спастись; кто вѣруетъ иначе, чѣмъ, я, тому уготованъ адъ... (**)

Если это не сбывается въ семь мѣ-

(*) Высокое, дѣйствительно, зрѣлище этой всеобщей выработки дисциплины въ римской церкви, въ противоположность беспорядкамъ и объѣденію въ семь отношеніи протестантства, представилъ протестантскій историкъ Леопольдъ Ранке, принявшій эту противоположность за точку зрѣнія въ своей прекрасной исторіи папства въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ вѣкѣ.

(**) Tom. II, fol. 44. ed. Vilt. gcron. —

рѣ въ продолженіе моей жизни, то сбудется послѣ моей смерти, когда я буду тамъ, и буду проклинать всякаго, кто будетъ противъ меня, ибо я умнѣе всѣхъ людей... (*) Предъ этимъ евангеліемъ, которое проповѣдую я, докторъ Мартинъ Лютеръ, должны пасть и смириться папа, епископы, священники, короли, князья, діаволь, смерть, грѣхъ и все, что не Иисусъ Христосъ: никто не въ состояніи будетъ воспрепятствовать этому... *Никому не уступаю!* Прочь всякій, кто преграждаетъ мнѣ дорогу, вотъ идетъ тотъ, кто никому не уступаетъ (**). Мое слово есть слово Иисуса Христа; мои уста—уста Иисуса Христовы. Не странный ли человекъ этотъ Лютеръ? Что касается моего мнѣнія о немъ; *то я думаю, что онъ Богъ*. Безъ этого, какимъ образомъ его сочиненія и его имя имѣли бы столько силы и могущественнаго вліянія, что нищихъ превращаютъ въ вельможъ, невѣждъ — въ докторовъ, мошенниковъ—въ святыхъ, грязь — въ жемчугъ?» (***).—Не открывается ли здѣсь какъ бы особое дѣйствіе нѣкоего Божественнаго проклятія надъ этимъ изступленіемъ? Не усматривается ли тутъ умопомѣшательства, происшедшаго отъ разрушительнаго удара о тотъ страшный камень, который сотретъ всякаго, кто бы онъ ни былъ, если онъ будетъ имѣть дерзость удариться объ него? (****)

(*) Tom. V, fol. 107, *ibid.*

(**) Tom. VII. fol. 56, 6., ed. Witt, в т. II, fol. 145 6, Jen.

(***) Tom. IV, fol. 348, ed. Vitt. в т. III, fol. 55 9. edit. *ibip.*

(****) *Кто упадетъ на этотъ камень, разобьется; а на кого онъ упадетъ, того раздавитъ* (Mat. 21, 44).

Извѣстна мрачная жестокость Кальвина, на счетъ котораго съ такою справедливостію высказался Руссо: «быль ли когда человекъ болѣе отважный, болѣе властолюбивый, болѣе рѣшительный, съ болѣею наглостію присвоившій себѣ Божественную непогрѣшимость, какъ Кальвинъ, у котораго всякое противорѣчіе, какое осмѣливались дѣлать ему, считалось дѣломъ свойственнымъ сатанѣ, преступленіемъ достойнымъ костра?» (*)

Таковыми стали главные руководители реформациі, и на такую-то дикую тираннію промѣняли еретики материнскую власть Церкви Христовой! (**)

Это еще не все: государи также начали вмѣшиваться въ это дѣло; сначала они воспользовались движеніями реформациі по видамъ своихъ личныхъ страстей противъ папы, потомъ, прибравъ ее въ свои руки, поставили себя въ свою очередь верховными распорядителями вѣры своихъ подданныхъ. Эти послѣдніе сами пошли на встрѣчу этому сумасбродному судилищу. Въ городѣ Монбельярѣ первымъ слѣдствіемъ реформациі было собраніе, состоявшее изъ главнѣйшихъ гражданъ, которые послѣ совѣщанія положили просить *государя о распорядженіи относительно причащенія*; тоже и въ Базелѣ міряне, какъ извѣстно, взяли въ

(*) Rousseau, lettres de la montaigne.

(**) «Ду ть лютеранства, говоритъ одинъ протестантскій пасторъ, поставилъ вмѣсто непогрѣшимости папы свою собственную непогрѣшимость, которая поставила еще больше препятствій успѣхамъ просвѣщенія, чѣмъ первая; а почему?—объ этомъ я здѣсь умолчу. (Accord par fail des sciences avec la Religion, par Descosos, ministre a Kirecheim Boleuden, p, 108, in 8; gottingue, 1805).

руки ключи царства небеснаго и, какъ пишетъ Мико къ Кальвину, *магистратъ сдѣлался папою*. Извѣстны все насильственные распоряженія и богословскія глупости Генриха VIII. Въ Швеціи король Густавъ обнародывалъ буллы, или указы, въ которыхъ онъ предписывалъ народу *посты и молитвы*, и въ заключеніе ихъ говорилъ: «кто позволить себѣ поступать вопреки настоящаго указа, тотъ не уйдетъ отъ нашего гнѣва и наказанія, каксе заслужить; да будетъ это извѣстно всякому.» (*) Эти *вынужденные* посты и молитвы были предписаны, какъ говоритъ указъ, противъ гордости, невоздержанія, смертоубійства, распутства и всеѣхъ другихъ пороковъ, источникъ коихъ заключается въ безпрестанныхъ возмущеніяхъ и частыхъ мятежахъ, уничтожающихъ наше государство». Итакъ стремленія съ одной стороны къ безначалію, а съ другой—къ своенравному угнѣтенію представляются двумя страшными опасностями, которыя грозили сокрушить гражданскія общества, вырвавшіяся изъ подъ власти Церкви. Здѣсь-то оправдывается та истина, о которой мы говорили въ другомъ мѣстѣ, что истинная свобода и истинная покорность согласуются между собою и совмѣщаются одна съ другою только въ кругѣ и подъ вліяніемъ законной власти, безъ которой неизбежно одно мятженчество и одно рабство.

Предѣлы настоящаго сочиненія не позволяютъ намъ входить въ большія подробности. Посреди всеѣхъ этихъ непрестанныхъ потрясеній и то, что осталось въ реформациі отъ христіанства, постоянно болѣе и болѣе стремится къ разложенію. Да и

(*) La Suede et le saint siege par Angustin Theiner, t. 1, p. 379.

можетъ ли быть иначе. когда мы разсматриваемъ *Аугсбургское исповѣданіе*, долженствующее служить *символомъ* протестантства и названное въ формулѣ согласія *символомъ своего времени*, и когда самъ Меланхтонъ, *Благоразумнѣйшій* изъ проповѣдниковъ реформаціи, писалъ: «*члены вѣры должны быть часто измѣняемы и примѣняемы ко времени и обстоятельствамъ?*»?

Это изреченіе можно назвать *эпиграфомъ* протестантства и *эпитафіею* Христіанства и всякой религіи.—Объ этомъ, въ самомъ дѣлѣ, со всею справедливостію высказался одинъ изъ самыхъ разсудительныхъ богослововъ протестантскихъ, упомянутый уже нами, Штаудлинъ. «Истины Христіанской Религіи, говоритъ онъ, никогда не могутъ развиваться прогрессивно; онѣ не могутъ подлежать никакому измѣненію и достигать зрѣлаго возраста; потому что имъ несвойственны ни младенчество, ни юность. Будучи неизмѣняемы, онѣ съ самаго начала явились въ такомъ совершенствѣ, какое имъ всегда принадлежало и будетъ принадлежать. Кто находитъ возможнымъ говорить объ усовершенности догматовъ откровенной Религіи; тотъ рѣшительно забываетъ о существенномъ характерѣ откровенія». (*)

И однакожь, такая *усовершенность*, или вѣрнѣе сказать, духъ вѣчныхъ превращеній составляетъ главнѣйшее отличительное свойство реформаціи. Это открыто и положительно высказалъ Меланхтонъ; и авторъ *Исторіи религиозныхъ сектъ* его же мысль обращаетъ противъ него со всею основательностію здраваго смысла: «если такія превра-

(*) *Suppléments pour la Religion et la morale* p. 190. III ratic.

шенія представляются существенною принадлежностію протестантства, то напрасно составлялись формулы, символическія опредѣленія, исповѣданія и проч. (*) Дѣйствительно, если слѣдовать означенному положенію, то протестанту ничто не должно помѣшать завтра же отвергнуть ученіе о Троицѣ, потомъ и ученіе о воплощеніи Сына Божія, о Его искупительной смерти и Его Божествѣ, даже и всю Библию, и вмѣсто ея принять Алкоранъ; не переставая однакожь бытъ добрымъ протестантомъ, потому что *догматы вѣры должны быть часто измѣняемы и примѣняемы ко времени и обстоятельствамъ.*

И протестантство не оказывается ослушнымъ противъ этого закона, судя по нижеслѣдующей картинѣ, начертанной рукою протестанта: «мы теперь уже очень далеки отъ того пути, который открыли для насъ наши предки въ началѣ шестнадцатаго вѣка. Мало между нами имѣютъ послѣдователей своихъ Лютеръ и Кальвинъ. Наша партія, въ дѣйствительности разсѣченная на множество различныхъ кружковъ, нигдѣ не можетъ быть узнаваема; у насъ даже дѣти наши бываютъ противниками нашими. Квакеры, пуритане, анабаптисты, арминіане, гомеристы, унитаріи, рационалисты, супраляписисты, не-конформисты, однимъ словомъ безчисленныя секты, вышедшія изъ нашей среды, произвели между нами такое смѣшеніе, что самое множество главъ этихъ сектъ дѣлаютъ насъ безглавыми. Мы не знаемъ, къ какой партіи мы принадлежимъ и подь какимъ знаменемъ совершаемъ свое шествіе. Сегодня деисты, завтра христіане, — мы относимся то къ религіи естест-

(*) Том. II, р. 242.

венной, то къ откровенной. Въмѣсто духа партій, нѣкогда насъ одушевлявшаго, поселился такой духъ безразличія ко всѣмъ партіямъ, что я удобно могу считать пирронизмъ господствующею системою» (*). Это было написано за сорокъ лѣтъ предъ симъ; пусть судятъ о совершившемся послѣ этого движенія впередъ, движенія неизбѣжномъ, ибо протестантство никогда не возвратится къ своему прошедшему и никогда не можетъ оставаться тѣмъ, что оно въ настоящее время; неудержимое стремленіе какъ бы по наклонной плоскости непрерывно увлекаетъ его къ его концу, когда оно имѣетъ подвергнуться новому превращенію. Самый составъ его носить въ себѣ нѣчто разъѣдающее его собственное бытіе.

Въ составъ протестантства, дѣйствительно, входитъ, какъ существенная его принадлежность, то, что *естественный* разумъ принимается исключительнымъ толкователемъ откровенія. Но откровеніе, по самой сущности своей заключающее истины *сверхъестественныя*, т. е. превышающія познавательную область разума *естественнаго*, не можетъ быть разграничено и определено разумомъ, не переставая превышать его *естественныя* средства познания, не переставая т. е. заключать въ себѣ истины *сверхъестественныя*. Ничего нѣтъ очевиднѣе, какъ эта истина. Такимъ образомъ рационализмъ неизбѣжно приводитъ къ натурализму. Откровеніе, по необходимости, для поддержки и защиты своей, требуетъ, какъ прямого дополненія своего, учительнаго авторитета,

(*) Переводъ Бафора, на который ссылается баронъ Шгаркъ въ *Raison du christianisme*, in 4, t. III, p. 84.

одинаковаго съ нимъ свойства и достоинства, т. е. сверхъестественнаго. Разумъ, безъ сомнѣнія, можетъ и долженъ подвергать изслѣдованію печать этого авторитета, но однажды признавши его достоинство, разумъ уже не можетъ вмѣшиваться, въ качествѣ верховнаго судіи, въ критическое изслѣдованіе преподаваемыхъ вопмяэтого же авторитета истинъ, безъ противорѣчія себѣ и безъ искаженія существеннаго характера этихъ истинъ. Онъ можетъ употреблять усилія къ уясненію для себя этихъ истинъ, но не исправлять и опредѣлять ихъ; можетъ подниматься до ихъ высоты, но не низводить ихъ до собственнаго уровня, подъ опасеніемъ исказить и обезобразить ихъ и самому обвинять съ ложнымъ убѣжденіемъ въ собственномъ возвышеніи надъ ихъ развалинами. Отсюда выходитъ, что протестантство, поставляя себя внѣ этихъ началъ, должно неизбѣжно клониться къ подавленію всякаго вѣрованія, и какъ упрекалъ за это социніанъ Жюрье, клониться къ *той религии объ одномъ ярусѣ, которая прижимаетъ внизъ все, что поднимается выше.*

Но въ этомъ упрекѣ и самъ Жюрье не свободенъ отъ упрека въ непослѣдовательности; ибо авторитетъ Писанія, который единственно противопоставляется у него социніанамъ, никоимъ образомъ не можетъ рѣшить спора съ ними, а тѣмъ менѣе этотъ авторитетъ могъ бы поддержать его самаго. Писаніе, какъ только истолкователемъ его поставляется разумъ, дѣйствительно, можетъ быть обязательнымъ для разума только потолику, поколику оно говоритъ объ извѣстныхъ предметахъ ясно и понятно; а что есть въ немъ неяснаго и непонятнаго, на то оно само собою не даетъ ни-

какого обязательнаго рѣшенія. Но такъ какъ въ свѣц. Писаніи видимъ, что оно во многочисленныхъ мѣстахъ учитъ о предметахъ таинственныхъ и непостижимыхъ, которыхъ разумъ понять не можетъ, каково, на примѣръ, ученіе о Троицѣ, о воплощеніи Сына Божія, о спасительныхъ дѣйствіяхъ благодати Духа Святаго и проч.; то необходимо допустить одно изъ двухъ: или считать его дѣйствительно въ такихъ мѣстахъ темнымъ, т. е. безгласнымъ, ничего не говорящимъ объ указанныхъ предметахъ, или выворачивать смыслъ этихъ мѣстъ такъ, чтобы разумъ могъ мириться съ ними, хотя бы это и соединено было съ насиліемъ тексту. Такъ, кажется, очень ясно написано: *сіе есть тѣло Мое.....*; но разумъ, какъ самовластный распорядитель, или лучше, признанный истолкователь Писанія, можетъ сказать: «принимаемыя буквально, эти слова непонятны и противны здравому смыслу, потому я не могу согласиться съ этимъ и долженъ либо вычеркнуть это мѣсто, либо прилатъ ему смыслъ разумный, допустивъ такое чтеніе: *«вообразайте себѣ, что сіе есть тѣло Мое»*. Но и въ этомъ мнѣніи дѣлается лишь одна уступка времени и обстоятельствамъ; а какъ скоро измѣнятся эти обстоятельства, съ ихъ перемѣною измѣнятся и члены вѣры, и послѣ многократныхъ измѣненій выйдетъ то, что *разумъ станетъ подводить подъ свой уровень все, что выше его*.

До этого именно и дошло протестантство въ настоящее время. Постоянно съѣдаемый частнымъ разумомъ, авторитетъ свѣц. Писанія уже потерялъ всякое значеніе; отъ него осталось только имя, да покровъ. Остроумно изображаетъ это состояніе протестантства Лессингъ въ слѣдующемъ апологѣ:

путешественникъ пристави́и къ берегу нѣкаго острова, нашелъ тамъ дѣтей, рожденныхъ отъ родителей — европейцевъ, недавно умершихъ. На вопросъ, были ли они христіане, дѣти отвѣчали, по истинѣ, очень утвердительно, но никакъ не могли оправдать этого тѣмъ, чему они научились отъ своихъ родителей. Когда предложены были имъ вопросы болѣе настойчивые и положительные, они предъявили, наконецъ, пустой переплетъ катихизиса, объясняя, что тутъ было все заключено — «Когда-то, дѣти мои, да, когда-то все было тамъ заключено», — отвѣчалъ путешественникъ (*).

Протестанты представляли міру зрѣлище своихъ отступленій и раздоровъ, пока имѣли что расточать изъ отческаго наслѣдства своей вѣры. Въ настоящее время, когда успѣли уже истощить это наслѣдство, они живутъ мирно, при общемъ вѣсѣмъ имъ равнодушій и безразличной терпимости одинаково по отношенію ко всякому образу мыслей. Прежде протестантскія секты сталкивались другъ съ другомъ какъ воды, вырывающіяся изъ нагорной равнины и стѣсняемая въ извилинахъ своего покатаго русла. Теперь онѣ остановились въ безпорядкѣ, подобно тѣмъ же водамъ, когда онѣ достигаютъ до равнины и текутъ безъ шума и разливаются, куда имъ попало, безпрепятственно.

Если столь долго продержалась жизнь протестантства и еще нѣкоторое время будетъ продолжаться призрачный образъ его существованія; то причину этого надобно искать не въ немъ самомъ, а внѣ его, — въ отношеніи къ протестантству и вліяніи на него церкви православной. Постоянно и

(*) Лессисингъ, по свидѣтельству барона Штарка, см. *Raison du christian.*, t. III, p. 84, ed. in. 4.

неизмѣнно сохраняя въ цѣлости и неприкосновенности залогъ вѣры христіанской и высоко держа среди міра спасительное знамя ея истины, церковь православная, которую св. Апостоль Павелъ называетъ *столпомъ и утвержденіемъ истины*, (*) величіемъ своего непрерываемаго свидѣтельства раскрываетъ незаконность исходнаго начала протестантства, отпаденіе его отъ истины вселенской и безчисленныя уклоненія и превращенія въ его вѣрованія и, такимъ образомъ, поставяетъ нѣкоторую преграду дальнѣйшимъ уклоненіямъ его отъ вѣры во Христа и не допускаетъ погаснуть ей такъ скоро, какъ это могло бы случиться безъ этого спасительнаго предостереженія и обличительнаго свидѣтельства. — Съ другой стороны, протестанты, не смотря на всѣ свои разногласія, споры и распри, раздирающія и убивающія внутреннюю жизнь ихъ сектъ, сходятся между собою въ одномъ, — въ своей непримиримой враждѣ противъ папства, и въ ней находятъ точку своего соединенія и какъ бы домашній очагъ, подогрѣвающій и одушевляющій ихъ ревность къ обличенію и ослабленію незаконныхъ властолюбивыхъ притязаній папскихъ; ниспроверженіе преобладанія этихъ притязаній составляетъ жизненную задачу протестан-

(*) 1 Тим. 3, 15. Вотъ объясненіе этого мѣста, написанное перомъ протестанта: „Церковь охраняетъ и высоко держитъ истину, говоритъ Гроцій, что бы душа не потеряла ее изъ виду и могла видѣть ее издалека; ибо для людей, не зараженныхъ упорствомъ, имѣетъ великую силу свидѣтельство честныхъ людей, утверждающихъ, что ими принято отъ Апостоловъ это ученіе и эти постановленія.“ (Hug. Grot., Annot. in N. Testam. ad 1 Timoth. III, 15).

тства, которое и вызвано было къ жизни подавляющимъ гнетомъ этихъ притязаній и продолжа-етъ свое существованіе неослабною враждою и противоборствомъ противъ нихъ. Въ этихъ чувствахъ и стремленіяхъ протестантство находитъ то, что составляетъ жизнь всякаго общества человѣческаго,—*единство!* Но это печальное единство: это единство ненависти и противоборства есть единство только *отрицательное*, стремящееся только къ разрушенію и уничтоженію; или, какъ выражается о протестантахъ Гегель: *они объединяются ничтожествомъ.* И потому, если они достигнутъ своей цѣли, если подъ ихъ разрушительною силою окончательно падеть уже потрясенное въ своихъ основаніяхъ папство; то что станетъ съ протестантствомъ, чѣмъ можетъ поддерживаться тогда его жизнь?!

Отвѣтъ на это можно находить въ исторіи. Послушаемъ, какъ Тертуліанъ изображаетъ исторію прежде бывшихъ и современныхъ ему ересей: «При всемъ разногласіи ихъ другъ съ другомъ въ своихъ вѣрованіяхъ, для нихъ все равно, только бы соединенными силами восторжествовать надъ истиною. Они не имѣютъ въ сердцѣ намѣренія обращать нечестивыхъ, но совращать нашихъ, поставляя свою славу въ томъ, чтобы свалить тѣхъ, кои стоятъ на ногахъ, а не поднимать упавшихъ. И я этому не удивляюсь; они сами могутъ подниматься только на развалинахъ истины, потому-то они и усиливаются разрушить церковь нашу, чтобы устроить свою. Отнимите у нихъ законъ Моисеевъ, пророковъ, Бога Творца, и вы заградите имъ уста; они не замыслиютъ ничего созидать, у нихъ единственная способность разрушать. Впрочемъ о-

ни не знаютъ даже никакого уважанія къ своимъ начальникамъ, и по этой причинѣ у нихъ не мало раздѣленій между ними самими. Хотя это недримѣтно, но и самое единство ихъ есть непрерывное раздѣленіе: они непрестанно разнообразятъ свои собственныя положенія, непрестанно отступаютъ отъ нихъ; каждый по своей фантазіи превращаетъ ученіе, какому научили его, какъ и тотъ, отъ кого онъ принялъ ученіе, измышляя его по своей фантазіи. Ересь въ своихъ движеніяхъ впередъ не отступаетъ отъ своей природы и своего начала: валентиніане и маркіаниты имѣютъ столько же права вводить по своему произволу новости въ религіи, какъ Валентъ и Маркіанъ. Кто до основанія прослѣдитъ ереси, тотъ, къ удивленію своему, найдетъ все ихъ несогласными съ ихъ родоначальниками. Наконецъ, большая часть изъ нихъ не признаютъ даже церквей; они—безъ матери, безъ вѣры, безъ двора и дома, и какъ обуреваемыя волнами, колеблются непрестанно (*).

Это, какъ бы писанное съ натуры, вѣрное изображеніе маркіанитовъ и валентиніанъ имѣетъ полное приложеніе,—какъ мы видѣли,—къ разсматриваемымъ нами новѣйшимъ сектантамъ: и когда сіи послѣдніе съ своими лжеученіями, такъ же какъ и первые, сойдутъ съ лица земли, то же изображеніе будетъ имѣть полное приложеніе и къ новымъ изобрѣтеніямъ ересей, которыхъ вѣгамъ грядущимъ суждено будетъ увидѣть возстающими

(*) Tertull., De prescriptionibus, n. XL II. У автора приведено это мѣсто по переводу Гурси и, какъ онъ говоритъ, съ опущеніемъ нѣкоторыхъ выраженій, слишкомъ живыхъ.

противъ Церкви. Ибо тѣ или другія ереси въ частности, преемственно чередуются въ своемъ существованіи, но еретичество, какъ направленіе, ложью и заблужденіемъ противодѣйствующее распространенію истины вселенской Церкви, въ томъ или другомъ видѣ остается всегда, какъ бы для того, чтобы сврею шаткостью, измѣнчивостію и непостоянствомъ, подобно свидѣтелю противъ воли, подтверждать и въ болѣе яркомъ свѣтѣ выставлать незыблемую неизмѣняемость Церкви. Въ этомъ-то смыслѣ должно быть понимаемо изреченіе, сказанное еще въ началѣ: *подобаетъ ересемъ въ всѣхъ быти* (*).

Что касается ереси протестантской: то она, какъ ересь, уже совершила кругъ своего существованія. Протестантство представляется теперь умирающимъ и мертвымъ по всемъ сохранившимся въ началѣ отбѣнкамъ Христіанства; и отъ него удержится развѣ одно характеристическое свойство его, — неприязнь противъ Христіанской религіи, — свойство, общее ему со всеми видами нечестія веѣхъ временъ. Оно неизбежно потеряется въ ложномъ философизмѣ и натурализмѣ; это будетъ послѣднее его превращеніе.

При такомъ положеніи, неминуемо совершится великій разрывъ въ протестантской сектѣ, и этотъ разрывъ широко обрисовывается уже и теперь предъ наблюдательнымъ взоромъ. Изъ этой секты тѣ, кои еще сохранили въ сердцѣ вѣру Христіанскую (а такихъ по милости Божіей есть еще нѣсколько), и чувствуютъ потребность религіи положительной, потребность не только для самихъ себя, но и для своего потомства, сознаютъ нужду такого разрыва съ тѣми изъ своихъ соучастниковъ

(*) 1 Кор. 11, 19.

по сектѣ, которые, подъ именемъ протестантовъ, неутомимо трудятся съ тою единственно цѣлю, чтобы, по выраженію Штапфера, *ловкою изворотливостію похитить у народа его религію* Эти личности, еще сохранившія въ себѣ религіозное чувство, поймутъ, что пора протестантскаго христіанства уже прошла, что оно теперь не больше, какъ зданіе, клонящееся къ разрушенію, или какъ *жалкая хижина*, по выраженію Мюллера, изъ которой пора уже выходить. чтобы обратиться къ истинной церкви и войти въ ту церковь, которая создана на незыблемомъ *краугольномъ камнѣ*,—Христѣ Его собственною десницею, въ нѣдрахъ которой хранятся и Его истинное ученіе и установленныя Имъ освятительныя благодатныя средства, и которая, въ своемъ чудесномъ сохраненіи въ продолженіе осьмнадцати съ половиною вѣковъ и не менѣе чудесно успѣшномъ отраженіи всевозможныхъ нападеній, постоянно направляемыхъ противъ нее ересями и нечестіемъ имѣетъ безспорное право указывать доказательства своей истинности, очевидныя и для непрозорливаго взора.

Настоятельная потребность высшаго авторитета въ дѣлѣ вѣры такова, что и разумъ, истощившійся въ собственной независимости, вынужденъ бываетъ самъ себя связывать для своего успокоенія въ чемъ нибудь. Выслушайте эти удивительныя слова одного знаменитаго протестанта и не менѣе знаменитаго философа: «Если бы я родился православнымъ, то и остался бы православнымъ, вполне понимая, что Церковь Христова предлагаетъ весьма спасительную узду для *предупрежденія уклоненій со стороны разума человеческого, который не хочетъ наблюдать ни берега, ни глубины*, когда рѣ-

нается изслѣдовать бездну вещей. и я столько убѣжденъ въ пользу этой узды, что самъ на себя наложилъ ничто подобное, предписавъ себя, на остальные дни моей жизни, правила стры, отступленія отъ которыхъ уже не позволяю себѣ..... Клянусь вамъ, что только съ того времени я нѣсколько успокоился, вполне убѣдившись, что безъ этой благоразумной предосторожности я никогда не имѣлъ бы покоя въ жизни. Говорю вамъ это со всею искренностію, какъ говорилъ бы отецъ своему дитяти.

Чье перо начертало эти строки? Кто этотъ несчастный, связавшій свой разумъ и добровольно отказавшійся отъ его употребленія? Не для одного ли исправленія разума это сдѣлано? Кто это, потерявшій убѣжденія вѣры и сохранившій только цѣпи ся? Это Руссо (*). Какое признаніе и какая кара! Этотъ человекъ истинный протестантъ, котораго его собственное отечество при жизни осудило, было, на изгнаніе за то, что онъ превосходилъ всѣхъ своимъ невѣріемъ, но которому теперь воздвигаетъ статую тоже отечество за то, что былъ его представителемъ. Этотъ Женевскій философъ, тотъ свободный мыслитель, который столько разъ обращалъ свой разумъ въ орудіе для забавы противъ вѣры, но который теперь принужденъ отказаться отъ этого разума, какъ безумнаго, и наложить на него цѣпи по послѣднему рѣшенію самаго разума, не представляющему обезпеченія болѣе, чѣмъ прежнія его дѣйствія и не имѣющему другаго достоинства, кромѣ того, что оно послѣднее,—принужденъ составлять для себя

(*) Lettres, t, XXXI., p. 153, ed in 18. Paris. 1793.

самодѣльную вѣру, чтобы сбрѣсти наконецъ какой нибудь покой,—вѣру, очевидно, несостоятельную, въ которой открывается не покорность со стороны разума, а стѣсненіе его; ибо откуда Руссо заимствовалъ эти правила вѣры, отступленія отъ которыхъ уже не позволяетъ себѣ? Изъ самаго же разума своего.—Что же это за разумъ его? Это—тотъ безумный разумъ, который способенъ только къ *уклоненіямъ* и который не хочетъ *наблюдать ни берега, когда рѣшается изслѣдывать бездну вещей*. Такимъ образомъ существенно разстроенный разумъ предписываетъ правила для своей вѣры и ограничивается ими одними, чтобы избавиться отъ своего собственнаго разстройства: какое заблужденіе! Руссо сказалъ, что онъ *уже не позволитъ отступленія отъ этихъ правилъ*; охотно вѣрю этому, но почему? Не по убѣжденію въ годности этихъ правилъ, а наоборотъ, по недовѣрію къ нимъ; ибо что можно видѣть въ нихъ, кромѣ уклоненія его разума? Слѣдственно, эти правила вѣры не что иное, какъ запрещеніе, самимъ Руссо наложенное на свой разумъ, какъ отлученіе его мысли отъ общенія съ небомъ.

Это послѣдній предѣлъ и, такъ сказать, послѣднее судорожное движеніе раціонализма, который самъ въ себѣ есть не что иное, какъ выродившееся протестанство; ибо между протестантствомъ и раціонализмомъ лежитъ только свящ. Писаніе, которое одно само по себѣ, лишенное пособія со стороны учительнаго и истолковательнаго авторитета, одинаковаго съ нимъ, характера и достоинства, не можетъ защищаться противъ стремленій разума уравнивать его съ своими собственными понятіями и опредѣлять его смыслъ по движе-

ніямъ страстей сердечныхъ.

Эта послѣдняя истина составляетъ высшую точку настоящаго изслѣдованія. Ее то я старался подъ руководствомъ мудрости, сіяющей въ Божественномъ устроеніи Церкви, утвердить во всѣхъ ея послѣдствіяхъ, одинако гибельныхъ и для разума и для вѣры.

Поэтому я не могу лучше окончить мою задачу, какъ сославшись здѣсь на мнѣніе, очень важное и благородное, далеко стоящее отъ всѣхъ предразсудковъ времени, и между тѣмъ очень опредѣленно и точное по занимающему насъ вопросу; мнѣніе это не принадлежитъ ни католику, ни протестанту, ни скептику, но заимствовано изъ самаго высокаго источника древней мудрости, и очень способно служить авторитетомъ по отношенію къ тѣмъ личностямъ, которыя хвастаются тѣмъ, будто они ничему и никому не повинуются, кромѣ разума.—Это мнѣніе высказано Платономъ.

«Человѣкъ, который всѣмъ своимъ образованіемъ обязанъ написанному сочиненію, всегда будетъ обладать только кажущеюся мудростію. Живое слово по отношенію къ написанному сочиненію тоже, что извѣстный человѣкъ по отношенію къ своему портрету. Произведенія живописи для глазъ нашихъ представляются какъ живыя, но если обратиться къ нимъ съ вопросомъ, они съ достоинствомъ хранятъ молчаніе. Таково же значеніе и написаннаго сочиненія: оно не знаетъ ни того, что нужно сказать извѣстному человѣку, ни того, о чемъ надобно умолчать предъ другимъ. Если вздумаютъ оскорбить его и неразумно ругаться надъ нимъ, оно не можетъ защищать себя, потому что отецъ

его не всегда при немъ для его поддержки. Такимъ образомъ въ головѣ того большая глупость, кто воображаетъ себѣ, что можно посредствомъ одного написаннаго сочиненія утвердить и распространить ясное и постоянное ученіе. Еслибъ онъ, дѣйствительно, обладалъ подлинными зародышами истины, то рѣшительно поостерегся бы думать, будто ничтожнымъ количествомъ черной жидкости и перомъ возможно возрастить эти зародыши во вселенной, защитить ихъ противъ суровости климатическихъ переменъ и сообщить имъ необходимую силу. Кто бы ни былъ такой человекъ,—частное лице, или законодатель, говорили бы о немъ что, или ничего не говорили, онъ осрамилъ бы себя (*).

Никогда, можетъ быть, мудрость человѣческая не высказывалась столь справедливо. Но кромѣ такого провозглашенія тщеты ученій человѣческихъ, что она могла сдѣлать больше? и могла ли она противъ этого подать какое либо врачество? Совершеннѣйшій изъ законодателей человѣческихъ можетъ только, умирая, свой законъ оставить на произволъ заблужденій и страстей себѣ подобныхъ людей. Для охраненія своего закона въ неприкосновенности необходимо было бы самому законодателю имѣть возможность продолжать всегда и вездѣ личное свое присутствіе при законѣ, чтобы его поддерживать, защищать и изъяснять по требованію безконечно разнообразныхъ случаевъ его примѣненія; необходимо было бы, что бы покрайней мѣрѣ его духъ, тотъ самый духъ, которымъ измышленъ и составленъ законъ, перешелъ въ душу людей, на которыхъ возложе-

(*) Plat., in Pheod., op. t. X p. 381, 382, 384, 386, 387 edit. Bipont.

на обязанность примѣнять этотъ законъ къ жизни, и преемственно переходилъ въ этихъ людяхъ до предѣла времени, назначеннаго для существованія этого закона.

Если съ такими условіями столь очевидно связаны сила и продолжительное существованіе постановленій и законовъ гражданскаго общества, или школы; касающихся единственно виѣшнихъ и видимыхъ выгодъ жизни; то что надобно сказать объ ученіи, которое имѣетъ быть обращено ко всему роду человѣческому и предъявлять свои права на вѣчное существованіе, которому предназначено распространяться между множествомъ народовъ, различающихся между собою происхожденіемъ, нравами и обычаями, климатическими условіями, языкомъ, пройти по всемъ вѣкамъ по среди различныхъ степеней просвѣщенія, предразсудковъ, переворотовъ, преобразованій, съ тѣмъ, чтобы господственно распоряжаться не только дѣйствіями виѣшной жизни, но и внутренними движеніями сердца и мысли, вопреки всемъ предразсудкамъ, склонностямъ и привычкамъ испорченной природы человѣческой, подчиняя ее строгимъ правиламъ нравственности и таинственнымъ догматамъ вѣры, безъ всякаго измѣненія или ослабленія ихъ первоначальной простоты, чистоты и полноты.—Если бъ виновникъ подобнаго предпріятія сообщилъ о немъ Платону, Платонъ сказалъ бы ему не больше двухъ словъ: «или въ головѣ у тебя большая глупость, или ты Богъ.»

Дѣйствительно, большая глупость, еслибы подобное предпріятіе предполагалось привести въ исполненіе одними человѣческими средствами,—обнародованіемъ и убѣжденіемъ, или еслибы посред-

дствомъ одного *написаннаго сочиненія* признавалось возможнымъ придать этому огромному предпріятію всемірное и постоянно неизмѣнное существованіе. Въ такомъ случаѣ, наоборотъ, безошибочно можно предсказать, что ученіе, касающееся этого предпріятія, не могло бы сдѣлать ни одного шагу, ни прожить и одного дня, безъ того, чтобы не сдѣлаться предметомъ безчисленныхъ измѣненій и превращеній, добычею многочисленныхъ сектъ, и вездѣ, гдѣ только объ немъ хотя нѣмного было бы говорено, оно оставляло бы за собою несогласія, смуты, раздоры и неисправимое сомнѣніе (скептицизмъ).

Но если бы Виновникъ этого предпріятія присовокупилъ «Я не намѣренъ писать ни слова о моемъ ученіи; Я намѣренъ поступить въ этомъ дѣлѣ такъ, чтобы не запечатлѣвать моего ученія ни на мраморѣ, ни на мѣди. Только нѣкоторыя наставленія, нѣкоторыя зародыши моей истины будутъ посѣяны мною на сердцахъ двѣнадцати бѣдныхъ учениковъ, единомыслемъ вѣры и любви соединенныхъ между собою и со Мною. Но оставляя ихъ въ такомъ положеніи, Я, чтобы они шли и приносили плодъ во всемъ мірѣ, оставляю имъ также Духа истинны, который будетъ говорить въ нихъ, наставлятъ ихъ на всякую истину и напомянать имъ все, что Я ни говорилъ имъ. Такимъ образомъ чрезъ нихъ Я буду писать Мой законъ, не чернилами, но Духомъ истинны, Духомъ Бога живаго, не на скрижаляхъ каменныхъ, но на плотяныхъ скрижаляхъ сердца. Я буду внушать имъ, что слѣдуетъ сказать тому или другому человѣку, и о чемъ слѣдуетъ умолчать; ибо въ тотъ часъ дано будетъ имъ, что сказать. Наконецъ и Я самъ, для

поддержанія и охраненія ихъ, *буду съ ними и съ ихъ преемниками, и со всѣмъ обществомъ ученивовъ ихъ, совокупленнымъ подъ ихъ руководствомъ, буду съ ними востъ дни до скончанія вѣка. Отсутствуя тѣломъ, Я всегда буду присушь имъ Духомъ Моимъ, который, чрезъ нихъ сообщаясь всѣмъ народамъ, будетъ круговращаться въ чело-вѣчествѣ, какъ новый свѣтъ для разума, какъ новый огонь для сердца, и будетъ собирать и приводить людей по всему лицу земли къ неразрывному единенію съ моими служителями, съ которыми Я самъ буду всегда въ единеніи, такъ что бы всѣ были едино во Мнѣ».*

Послѣ такого объясненія Платонъ, безъ сомнѣнія, сказалъ бы: «Твое предпріятіе само собою Божественно. Въ голову смертнаго никогда не могло бы придти предпріятіе столь огромное и величественное. Но какъ ни велико восторженное удивленіе, возбуждаемое въ душѣ моей твоимъ предпріятіемъ, позволь, однакожь, необычайный мужъ, сказать Тебѣ, что чѣмъ болѣе оно представляется Божественнымъ въ своемъ умышленномъ образѣ, тѣмъ болѣе требуется силы Божіей для его выполненія; потому что оно лишено всѣхъ средствъ человѣческихъ, отрѣшено отъ всѣхъ причинъ естественныхъ и ни на чемъ другомъ не держится, кромѣ силы вдохновенія и могущественнаго содѣйствія, какія могутъ исходить только отъ Бога. И потому, позволь мнѣ подождать его выполненія; а до того времени не угодно ли тебѣ помѣстить его со мною въ область утопій, гдѣ остается моя *Республика*, но повыше этой послѣдней, въ самомъ высшемъ кругѣ этой области, въ кругѣ мечтательныхъ призраковъ; потому что

твой замыселъ сколько высрпений и величественный, столько же и неудобно исполнимый.

Что же было бы, если бъ въ минуту этого сомнѣнiя таинственный собесѣдникъ Платона, прикоснувшись своимъ всемогущимъ прикосновенiемъ къ глазамъ философа, раскрылъ предъ его умышленными взорами историческую картину осьмнадцати съ половиною вѣковаго существованiя своей Церкви и показалъ ему весь ходъ распространенiя и торжества ея ученiя со всеми ожесточенными нападеними противъ нее и ея ученiя и побѣдами ея надъ всеми силами зла, съ яростию возстававшими противъ нее и пронесшимися чрезъ нее во всей вселенной; а Церковь между тѣмъ осталась непоколебима и неизблема, непричастна никакому поврежденiю и заблужденiю, полна силы и бодрости, о чемъ невозможно было и подумать при началѣ ея существованiя?—При подобномъ видѣнiи, ученикъ Сократа ощутилъ бы присутствiе Божества, и, повергая себя къ ногамъ этого новаго Учителя, воскликнулъ бы: «Ты тотъ, котораго я некаль,—Слово, Богъ, Спаситель, котораго я призывалъ въ молитвѣ, равно какъ и Отца Его Господа,—дабы Онъ чрезвычайнымъ и чудеснымъ наученiемъ спасъ насъ, внушая намъ истинное ученiе (*). Истина совѣчная Богу, несозданная премудрость! Тебя-то я иногда мимолетно прозрѣвалъ позади тумановъ моей философи, и Твой неопредѣленный свѣтъ дрожащимъ мерцанiемъ проявлялся въ мрачныхъ глубинахъ моего разума. Только Ты одинъ, и никто кромѣ Тебя, что бы вновь

(*) Plat., Tim, Oper. t. IX, p. 341 Epist. VI Oper. t. XI, p. 91 92.

даровать себѣ заблудшему міру, могъ измыслить, равно какъ и выполнить столь великое дѣло. Здѣсь все открываетъ и указываетъ Тебя и такая мысль и такое выполненіе ея свойственны только Богу».



Редакторъ: Протоіерей Іоаннъ Москвинъ.

Съ дозволенія цензуры. 22 Декабря 1863 года.

Тамбовъ. Въ Губернской Земской Типографіи.